УДК 821.161.1-1. DOI: 10.26170/2071-2405-2026-31-3-178-187.
ББК Ш33(2Рос=Рус)64-45+Ш33(2Рос=Рус)64-3.
ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 5.9.3

МИФОПОЭТИКА ТАЙГИ В ТВОРЧЕСТВЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ КЕМЕРОВСКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

Налегач Н. В.
Кемеровский государственный университет
(Кемерово, Российская Федерация)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-1214-7363
SPIN-код: 1796-0640

Аннотация. В статье выдвигается гипотеза об органичном полилоге культур, способствующем синтезу славянской и шорской народно-поэтических традиций при изображении тайги в стихотворениях представителей кемеровской поэтической школы. Таежный текст, в разработке которого сложно переплетаются космогонические и эсхатологические мотивы, становится одной из метатекстовых структур, обеспечивающих аксиологическое единство творческих установок кузбасских поэтов, что можно видеть на примере изучения лирических систем Л. Гержидовича и Т. Тудегешевой, восходящих к разным этнокультурным кодам, но объединенных мотивом зова тайги и установкой на слияние с ее миром. Мифопоэтический анализ образности тайги в стихотворениях изучаемых авторов позволяет выявить мотивно-тематическое многообразие, характерное для поэтического функционирования кузнецкого текста: от воспевания любви к родному краю и его природе до лирико-философских медитаций о судьбах мира и человека; а также определить их лирических героев как носителей мистической связи с душой тайги. Обоим авторам свойственно лирическое переживание воскрешающего характера слияния с тайгой, сочетающееся с чувством надвигающейся гибели таежного мира из-за хищнически потребительского отношения человека к природе, чем обусловлены не только экологическая проблематика, но и пристальное внимание к художественной детализации таежного текста и анимизм в изображении березы, кедра, таволги, кандыка, коростеля, соловья, волка, рыси, рек, гор и т. д. Отдельный аспект проявления мифопоэтики тайги – обращение к плану духов природы и сакральным топосам. Если у Л. Гержидовича это знакомые по русскому фольклору лешие, русалки, изображение тайги как храма, то у Т. Тудегешевой это более проработанный ряд духов шорской мифологии, благодаря чему в ее стихах появляются не только русскоязычные их именования, такие как горные девушки, хозяйка / хозяин горы, но и тюркоязычные – Таг-ээзи Тор, айна, Пай-казын и др., а также актуализация легенд в поэтической символике Горной Шории, гор Мустаг, Чедыгыс, реки Томи.

Ключевые слова: кузбасская поэзия; кузбасские поэты; поэтическое творчество; лирические жанры; поэтические образы; поэтические тексты; стихотворения; образ тайги; тайга; кемеровская поэтическая школа; таежный текст; поэтические мотивы; душа тайги; мифопоэтика; Л. М. Гержидович; Т. В. Тудегешева

Благодарности: исследование выполнено в рамках проекта «Литература поликультурного региона: аксиологические доминанты, язык и стиль (на материале русскоязычных текстов шорских и русских писателей Кузбасса)» за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-02824, карточка проекта https://rscf.ru/project/25-28-02824/

Для цитирования: Налегач, Н. В. Мифопоэтика тайги в творчестве представителей кемеровской поэтической школы / Н. В. Налегач // Филологический класс. – 2026. – Т. 31, № 3. – С. 178–187. – DOI: 10.26170/2071-2405-2026-31-3-178-187.

MYTHOPOETICS OF TAIGA IN THE CREATIVE WORKS OF REPRESENTATIVES OF THE KEMEROVO POETIC SCHOOL

Natalia V. Nalegach
Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-1214-7363

Abstract. The article poses a hypothesis about an organic polylogue of cultures, facilitating the synthesis of Slavic and Shor folk-poetic traditions in the depiction of the taiga in the poems of representatives of the Kemerovo poetic school. The taiga text, in the development of which cosmogonic and eschatological motifs are intricately intertwined, becomes one of the metatextual structures that ensure the axiological unity of the creative principles of Kuzbass poets. This can be seen in the study of the lyrical systems of L. Gerzhidovich and T. Tudegesheva, which are rooted in different ethnocultural codes but united by the motif of the call of the taiga and the aspiration to merge with its world. A mythopoetic analysis of the imagery of the taiga in the poems by the authors under study reveals the motif and thematic diversity characteristic of the poetic functioning of the Kuznetsk text: from the celebration of love for the native land and its nature to lyrical and philosophical meditations on the fate of the world and humanity; it also allows one to identify their lyrical characters as bearers of a mystical connection with the soul of the taiga. Both authors share a lyrical experience of a resurrecting kind of unity with the taiga, which is combined with a sense of the impending doom of the taiga world due to humanity's predatory and consumerist attitude towards nature. This is what gives rise not only to the ecological issues but also to the close attention paid to the artistic detail in the taiga text and to the animism in the depiction of birch, cedar, meadowsweet, candyk, corncrake, nightingale, wolf, lynx, rivers, mountains, and so on. A separate aspect of the manifestation of mythopoetics of the taiga is the appeal to the realm of nature spirits and sacred topos. And while Gerzhidovich's works feature familiar figures from Russian folklore – the Leshy, water-nymph, and the depiction of the taiga as a temple – Tudegesheva's work offers a more developed range of spirits from Shor mythology. As a result, her poems include not only Russian-language names for these spirits, such as "mountain girls" and "mistress / master of the mountain," but also Turkic-language ones – Tag-eezi Tor, Ayna, Pay-kazyn,

© Налегач Н. В., 2026

and others – as well as the actualization of legends in the poetic symbolism of Mountain Shoria, the Mustag and Chedygys mountains, and the Tom River.

Keywords: Kuzbass poetry; Kuzbass poets; poetic creative activity; lyrical genres; poetic images; poetic texts; poems; the taiga image; taiga; Kemerovo poetic school; taiga text; poetic motifs; taiga soul; mythopoetics; L. M. Gerzhidovich; T. V. Tudegesheva

Acknowledgements: The research was carried out within the framework of the project "Literature of a Multicultural Region: Axiological Dominants, Language and Style (Based on the material of Russian-language texts by Shor and Russian writers of Kuzbass)" supported by the grant of the Russian Science Foundation No. 25-28-02824, project card https://rscf.ru/project/25-28-02824/

For citation: Nalegach, N. V. (2026). Mythopoetics of Taiga in the Creative Works of Representatives of the Kemerovo Poetic School. In *Philological Class*. Vol. 31. No. 3, pp. 178–187. DOI: 10.26170/2071-2405-2026-31-3-178-187.

Введение

Достаточно высокая частотность проявления образности тайги в стихотворениях представителей кемеровской поэтической школы объяснима: сложно представить автора-сибиряка, который хотя бы раз не обращался к ее изображению или упоминанию. Обусловлено это не только особенностями реального географического пейзажа, но и богатым семантическим наполнением, оформившимся в процессе полилога культур. Следует подчеркнуть, что не всегда она раскрывается мифопоэтически. Так, в поэзии В. Зубарева, В. Ковшова, И. Полунина она получает преимущественно натурфилософское звучание, а в стихотворениях В. Махалова, Г. Молостнова, М. Небогатова, как правило, становится элементом реалистически разработанного пейзажа, способствуя раскрытию темы малой родины. Однако чаще всего можно наблюдать именно мифопоэтическую разработку этой образной системы. При этом мифопоэтика тайги может опираться на коды русской народно-поэтической традиции, коррелируя с лесным текстом русской литературы, как в творчестве Н. Колмогорова, В. Баянова, В. Крёкова, Л. Гержидовича и др., а может иметь истоком культуру коренных народов Сибири, что обнаруживается в произведениях Л. Арбачаковой, Н. Бельчегешева, Г. Косточакова, Т. Тудегешевой и др. Как отмечает Н. С. Майнагашева: «В творчестве этих авторов прослеживается, прежде всего, актуализация проблем родного народа, его языка и традиционной культуры через прославление родной земли, родного пейзажа, быта шорца-горца, песни и верования народа, мифологические и фольклорные мотивы» [Майнагашева 2018: 30].

Из этого ряда авторов для репрезентативной подборки выбраны стихотворения Леонида Михайловича Гержидовича (1935–2016) и Тайаны (Татьяны) Васильевны Тудегешевой (1957–2022). В обоих случаях это объясняется не только натурфилософским характером их стихотворений, пантеистическим мироощущением, но и фундаментальным характером мифопоэтики тайги в авторских лирических системах. Так, в предисловии к третьему поэтическому сборнику Л. Гержидовича «Хвойный дождь» (1987) В. Баянов справедливо подчеркнул глубинную связь поэтического мира автора с таежным: «Автор всей душой предан тайге – грозной и беззащитной, нуждающейся в постоянном догляде и внимании. И лучшие, на мой взгляд, стихи в книге – о ней, о тайге, которую он, пасечник и поэт, знает, как никто» [Баянов 1987: 4]. Закономерно, что И. В. Ащеулова в статье «Извечное величие тайги Леонида Гержидовича» увязывает биографический (работу лесником и промысловиком) и символический планы через центральное положение заявленного образа, который, по мысли исследователя, «формирует два важных аспекта в поэзии: воспевание родной сибирской природы, бесконечная любовь к ней и публицистический пафос, связанный с экологической проблематикой защиты и сбережения тайги» [Ащеулова 2020: 89]. В скрещении этих аспектов и наследовании традиций натурфилософской русской лирики и оформляется, как подчеркивает И. В. Ащеулова, образ тайги как один из вариантов воплощения природы-храма. Развивая эти концептуальные наблюдения исследователя, предварительно отметим, что мифопоэтика тайги в творчестве Л. Гержидовича символикой природы-храма не исчерпывается.

Не менее важную роль образность тайги играет в создании поэтического мира Т. Тудегешевой. Н. Переяслов символично сравнивает чтение ее стихотворений со странствием по тайге: «В стихи Тайаны Тудегешевой входишь, как в какое-то волшебное царство; они мгновенно завораживают читающего своим магическим ритмом, овладевают его сознанием и ведут через густую сеть строк, как через экзотический лес или дремучую тайгу, то пугая таинственными тревожными звуками, раздающимися в окружающей чаще, то очаровывая величием таежных просторов и клубящимися в них, точно цветные туманы, легендами» [Переяслов 2022: 357].

Помимо образно-тематического ряда, обусловленного предметом исследования, на отбор авторов повлияла включенность подборки их стихотворений в антологию «Классика земли Кузнецкой», в предисловии к которой Б. Бурмистров сформулировал программу кемеровской поэтической школы как особого творческого объединения поэтов, чья общность определена не только принадлежностью к региональной писательской организации, темой малой родины, но и особым складом лирики, творческой аксиологией, установкой на включенность в общий российский литературный процесс во всей его сложности и поликультурности, что особенно характерно для сибирского текста, одним из проявлений которого является кузнецкий [Бурмистров 2020; 2022].

Свою роль в отборе материала сыграла и меньшая степень литературоведческой изученно-

сти творчества Л. Гержидовича и Т. Тудегешевой на фоне других поэтов Кузбасса, обращавшихся к воспеванию любви к природе родного края, что стало одной из причин рассмотрения их произведений в аспекте педагогического потенциала. О ценности наследия Т. Тудегешевой в методическом аспекте применительно к школьному обучению свидетельствуют работы А. С. Сазыкина, предложившего разработку урока по изучению ее поэтического мастерства [Сазыкин 2021b], а также Е. Н. Перваковой [2024] и Е. Н. Чайковской [2024], включивших ее стихотворения в тематические подборки. Ю. В. Подковырин отмечает продуктивность выбора стихотворений Л. Гержидовича о тайге в школьном изучении литературы родного края [Подковырин 2008: 111]. В этом контексте полученные результаты не только имеют теоретическую значимость, обусловленную предметом исследования, но и могут обогатить практику включения произведений Л. Гержидовича и Т. Тудегешевой в школьное изучение литературного краеведения во внеурочной деятельности учителя-словесника.

Научная новизна обеспечивается как недостаточной изученностью творчества обоих поэтов, так и тем, что обозначенные лирические системы даны в сопоставлении, что позволяет обнаружить взаимопроникновение кодов русской и шорской культур в творчестве представителей кемеровской поэтической школы.

В этой связи представляется целесообразным выявить и системно изучить мотивно-тематический мифопоэтический комплекс тайги в поэзии кузбасских авторов как одной из метатекстовых скреп литературной общности, характеризующей кемеровскую поэтическую школу как включенную в сибирский и российский литературный процесс.

Работа выполнена на стыке историко-литературного и структурно-семиотического подходов с применением методов мотивно-тематического, мифопоэтического и сопоставительного анализа поэтического текста. Наряду с фундаментальными работами А. Ф. Лосева, Ю. М. Лотмана, В. Н. Топорова особую значимость приобретают исследования Л. Н. Арбачаковой, И. В. Булгутовой, Л. С. Дампиловой и др., осуществленные на материале произведений литературы тюркоязычных народов Сибири и предлагающие особые методологические и методические решения в изучении мифопоэтики двуязычных авторов, творчески переживающих неразрывную связь мифа и родного языка и способных органично ее воплотить в другой (русской) языковой стихии.

Мифопоэтика тайги в лирике Леонида Гержидовича

Дебютный поэтический сборник Л. Гержидовича «Песня моя – тайга», вышедший в 1970 г. под знаковым псевдонимом Л. Березин[1], предопределил магистральный характер мифопоэтики тайги для всего поэтического мира автора. Так, в предисловии к нему В. Махалов символично подметил: «Леонид Березин умеет слушать и понимать щедрую душу своего таежного края» [Махалов 1970: 4]. И если для старшего поэта образ души таежного края был метафорой, использованной для краткой характеристики стихотворений Л. Гержидовича, то для автора этой книги он стал, скорее, символом, разворачивающимся от сборника к сборнику в миф о душе тайги и о таинственной духовной связи с ней лирического героя. Закономерно, что эта связь непосредственно обозначена в стихотворении «Сибирский соловей», которое впервые было опубликовано в дебютном сборнике, а затем неоднократно входило и в другие поэтические ансамбли и значимые подборки стихов автора в антологиях и журнальных публикациях, став одним из самых узнаваемых его произведений:

Не в саду в сиреневом затишье,
А в тайге под кружевом ветвей,
Может быть, вам приходилось слышать,
Как поет сибирский соловей.
У него особые манеры,
Своенравный у него полет.
Он не любит городские скверы
И в садах влюбленным не поет.
Не с того ли в праздные субботы,
За спины забросив рюкзаки,
Про дела забыв и про заботы,
В глухомань уходят рыбаки.
На талине, у речного плеса,
Где-то недалеко от костра,
Вдохновенно и разноголосо
Соловей лютует до утра.
В тихих водах месяц серебрится,
И не слышен шорох камыша.
Кажется, поет совсем не птица,
А тайги стозвучная душа.
И бредет ночной тропинкой лето,
Утопая в травах у реки,
И не спят до самого рассвета
У костров потухших рыбаки [Березин 1970: 35–36].

В основе композиции – противопоставление пения обыкновенного соловья, ставшего в классической поэзии символом поэта, и сибирского. Чтобы услышать его пение, нужно выйти из привычного круга будничной суеты и отправиться в дикое необжитое пространство, так как поет он только в тайге. В отличие от сложившейся традиции, соловей у Гержидовича становится символом самой тайги, которая и очаровывает, и завораживает, и лютует, и щедро одаривает, не переставая грозить опасностью и одиночеством для того, кто с ней соприкоснулся. Однако несмотря на амбива-

[1] Речь идет не только о том, что на момент публикации сборника Л. Гержидович проживал в г. Березовский Кемеровской области, но и в особенном отношении к образу березы в его поэзии, проявившемся не только в стихотворениях, но и в названии пятой поэтической книги «Матерь-береза» (Кемерово, 1993). Сыновнее отношение к березе, подчеркнутое псевдонимом, тонко соединяет славянскую и шорскую символику этого дерева, демонстрируя их нерасторжимый синтез в творчестве поэта, чьи предки в начале XX в. по Столыпинской реформе из Минска переехали в Сибирь.

лентную природу таежной души, раскрывающейся в стозвучном пении сибирского соловья, лирический герой готов полностью слиться с ним, что подчеркнуто не только противопоставлением символики птиц, но и потухшим костром, подпитывать который забывают заслушавшиеся рыбаки. Костер как последний оплот цивилизации в тайге не просто отступает на второй план, о нем забывают, поддавшись завораживающему пению. Колдовское пространство тайги захватывает стихийной красотой, в свете которой рукотворное меркнет. Человек, уподобленный рыбакам, вынужден возвращаться в обжитое пространство, так как иначе не выживет, но не может оставаться глухим к стозвучному зову тайги, поэтому и возвращается к ней, как к истоку. Недаром в центре лирического пейзажа оказывается образ реки. Примечательно, что поэт практически отказывается от строфики, подчеркивая непрерывность и прихотливость стозвучия тайги, открывающегося и в перекатах таежной реки, и в прихотливом пении птицы, противопоставленных строгой упорядоченности ритма человеческой цивилизации.

Если душа тайги воплощена в пении сибирского соловья, то душа лирического героя вторит ей пением коростеля. Символично, что стихотворением «Коростель, товарищ мой давнишний…» завершается первый поэтический сборник Гержидовича, задавая тему слияния стозвучной песни тайги, воплощенной в образе сибирского соловья, со своеобычным голосом коростеля, изображенного двойником лирического героя, самоопределившегося через эту связь как поэт:

Коростель, товарищ мой давнишний,
Вновь всю ночь не спится нам в тайге,
Что в затихших травах говоришь ты
На своем скрипучем языке?
Знаю, ты влюблен в березы эти,
В звон кедровый, в росные луга.
К нам в Сибирь по розовым рассветам
Сколько ты без устали шагал?
Песнь твоя, звенящая ночами,
До конца по-своему своя.
С этой песней лето я встречаю
С ней как будто вновь рождаюсь я.
Лишь услышу где-то за горою
Голос твой –
И бросит сердце в дрожь.
Не меня ль вечернею порою
На ночь за околицу зовешь?
Ой, дергач, крикун ты нелюдимый,
Сколько тайн в душе я приберег!
Ни за что без Родины любимой,
Как и ты, прожить бы я не смог.
Только я вот в трепете горячем
Навсегда сумею ли, смогу
За проселок так вот, по-ребячьи,
Убегать в вечернюю тайгу?
Чтобы в росных травах перелесья
Слушать птиц, дыханье затая,
Чтоб в моей душе рождалась песня
До конца по-своему своя[1] [Березин 1970: 41–42].

Двойничество лирического героя и коростеля не только достигается мотивом пения, но и поддержано повтором стиха, который в первом случае характеризует пение птицы, а во втором – песнь лирического героя, подчеркивая их своеобразие. На это же сродство работает звуковая инструментовка с перемежающейся аллитерацией на [к], [с] и [р], с преобладанием двух последних звуков, слитное звучание которых составляет основу коростелиного пения, напоминающего скрип. На фоне соловьиного пение коростеля предстает неблагозвучным, подчеркивая более полногласную и многозвучную музыку тайги, чем голос поэта. Однако на этом же фоне голос коростеля, пусть и не отличающийся красотой, звучит необычно, соединяя птичье со скрипом деревьев и сухих веток, передавая неповторимость таежной родины и единство всего живого, становясь основой чувства любви к родному краю как источнику поэтического вдохновения.

Этот синтез мотивно-тематического комплекса поэзии и любви к Родине, воплощенный в образности тайги, сохранится на протяжении всего творческого пути, напрямую предопределяя названия таких поэтических сборников, как «Матерь-береза» (1993), «Пихтовая родина» (2000), и опосредованно через метонимические образы проявляясь в названиях книг «Таволга» (1979), «Хвойный дождь» (1987), «Кедровый говор» (1991). Тайга предстает в поэтическом мире Л. Гержидовича не только как храм («Тайга моя»), но и как мифопоэтический образ Матери, неразрывно соединенный с образом Родины, что напрямую выражено в стихотворениях «В поселках и чащах дремучих…», «Нет ни копейки, а богаче всех…», «Я накрепко привязан…», «Здравствуй, Ель и Осина…» и мн. др., проявляясь как сквозной лейтмотив всего творчества поэта.

Тайга предстает не только как исток и суть самой жизни, но и как пространство предопределения, судьбы. Так, в стихотворении «Лыжня» в основе лирического сюжета оказывается традиционная мифопоэтика жизненного пути, которая открывается неожиданной гранью. Лыжня, по которой идет лирический герой по заснеженной тайге, становится символом неразгаданного им узора души и выбранной судьбы полюбившейся девушки:

Иду взволнованный на лыжах,
Передо мной твоя лыжня.
Была ты дальше или ближе
В своей дороге от меня?
Ложбинкой узкой к перевалу
По белоснежной целине
Не от меня ли убегала
Или, робея, шла ко мне?
Стоит пихтач глухой стеною,
А в нем молчанье и покой.
Лыжня твоя передо мною
Легла запутанной строкой.
А по бокам – от палок точки.
И что ни шаг – загадка здесь.

[1] Стиховой повтор выделен нами – Н. Н.

Я эту путаную строчку
Хочу и не могу прочесть [Березин 1970: 8].

В отличие от традиционного мотива пути / дороги как жизни / судьбы в этом стихотворении лыжня, проходящая сквозь пихтач, проложена девушкой, загадку души которой идущий следом за ней лирической герой силится и не может разгадать. Как и в традиционном варианте – дорога проложена не им, но все же человеком. Более того, таежная лыжня – кратковременна (до первой пурги) и прихотлива (ее прокладывает человек, но в согласии с природой, так, чтобы пройти по снегу позволяли нависающие ветви деревьев). Идти по чужой лыжне легче, но понять, почему она проложена именно так, не всегда удается. Символично, что влюбленность лирического героя представлена как лыжня в тайге, по запутанному следу которой герой пытается понять, взаимно ли его чувство.

Образ жизненного пути – лыжни неоднократно повторится в лирике Гержидовича, получая новые смыслы. Так, в стихотворении «С трубою черной на макушке…» из книги «Таволга» в основе лирического сюжета оказывается мотив прозрения судьбы как столкновения веры в свои силы и свободы выбирать путь с обреченностью на одиночество избранника тайги.

Подводя итог, отметим, что мифопоэтика тайги в лирике Гержидовича основана на анимизме, благодаря чему в его стихотворениях практически все переживания, абстрактные понятия и чувства конкретизированы в образах таежных растений, животных и птиц. Достаточно вспомнить образ ягод жимолости как первой любви, таволги как причастности к медовому счастью чувствовать жизнь, рыси – беды одиночества и т. п. Эта одушевленность становится основой одухотворенного символа таежной души, зов которой постоянно чувствует лирический герой. Но этот зов оборачивается для него не только радостным слиянием с родным миром, но и отчужденностью от людей, от житейской суеты, непониманием друзей.

Мифопоэтика тайги в творчестве Тайаны Тудегешевой

Тайана Тудегешева – двуязычный поэт, в чьем творчестве, как отмечает А. Сазыкин, «возникает органичное соединение двух контекстов: легенд и преданий шорского народа и русской натурфилософской поэзии» [Сазыкин 2021a: 85]. Этот синтез обнаруживается во всей системе лирических образов, о чем свидетельствуют работы И. А. и Ю. Е. Пушкаревых, посвященные изучению образов коня и снега в сборнике стихотворений «Небесный полет девятиглазых стрел» (2007) [Пушкарева 2025; 2026]. Как и в поэзии Л. Гержидовича, ощущавшего чуждость городского пространства, – «Душа нисколько не скорбит / О каменно-бетонном рае» («Мне мил неприхотливый быт…» из сб. «Отражение», 2014), в поэтическом мире Т. Тудегешевой, как подчеркивает Г. Косточаков: «город, хоть и является местом проживания человека, принципиально не входит в переживания и даже в зону внимания. Словно города нет вовсе, нет такой много значащей для других поэтов городской составляющей нашей современности, а есть только одна природа, живая природа, вековая природа, природа, многое могущая…» [Косточаков 2020: 267]. Ключевым воплощением такой природы в поэзии автора-сибиряка становится тайга. Так, в предисловии к сборнику стихотворений и загадок «Элимай» (2013), которое можно рассматривать как поэтическую декларацию, прямо провозглашается знакомый по творчеству К. Г. Паустовского принцип единства красоты природы и человеческой души: «Писатель открывает для себя вокруг, а значит, для читателя, идеальный космос красоты окружающего мира, духовно пробуждая человека. Знания о природе еще имеют духовно-нравственное значение» [Тудегешева 2013b: 3].

Закономерно, что воплощением самой природы в ее красоте и величии предстает тайга: «Для меня язык природы – это язык тайги. Он многоголос и многосложен» [Тудегешева 2013b: 3]. Но помимо звуков растений, ветра, воды, голосов зверей и птиц, как это представлено в отечественной классике XX столетия, у Тудегешевой в этом многозвучии слышны мистические голоса, которые она различает и изображает, опираясь на народно-поэтическую мифологическую традицию шорцев: «Тайга – это еще и вечное обиталище лесных духов, средоточие живых существ, порой невидимых человеческим глазом» [Там же]. С этим связано и стремление воплотить духовный опыт своего народа в поэтическом творчестве, чтобы он стал доступен и остальным: «Шорцы с древнейших времен жили в полном слиянии с природой. Мировоззрение шорского народа сложилось в результате тысячелетних наблюдений, передаваемых из поколения в поколение. Шорцы – это прежде всего охотники-следопыты, умеющие расшифровывать язык тайги, тонкие наблюдатели, жизнь которых неразрывно связана с живым миром природы. Поэтому хочется, чтобы не только шорские дети, но и русские, и дети разных народов познакомились с шорскими названиями, характерами “таежных братьев”» [Там же].

Закономерно, что в первом же стихотворении сборника «Там спят долины первозданные…» таежный мир Горной Шории изображен как рай, как чудесная Шамбала:

В сумбуре городов, их вековечной суеты
Настанет срок оставить будние мгновенья.
Нас позовет Тайга безмолвной красоты
В мир горных далей высочайшего творенья.
Там спят долины первозданные в цветах,
Там кун-кузези зачарованные всюду,
Рожденные от солнца в животворных небесах,
Их огоньковый свет в душе огонь разбудит.
Умчимся мы туда на знойных вороных,
В пути за нами долго будет вихрь кружиться.
Единый божий мир поделим на двоих
С мечтой – со зримым и незримым светом слиться.
Забудем годы, время, прошлое навек,
Нам ясно будущее в горизонтах озарится,
Чудесной птицей пролетит крылатый век,

Ну, а потом… жизнь в мудрой вечности продлится.
Быть может, Шамбала и есть тот дивный край?
Там, где любя, надеясь, веря, сердце бьется?
Прислушайтесь к себе – в душе найдете рай!
А край?.. Он Горной Шорией зовется! [Тудегешева 2013b: 7].

В русскоязычном стихотворении варьирующееся название таежного цветка жарки / огоньки дано по-шорски. Если в русскоязычном именовании напрямую подчеркиваются яркость и пламенная природа, характеризующие визуальное восприятие, то шорское именование мифологично, отражает родство небесного и земного миров, отсылая к анимистической картине мира. Тудегешева сопровождает стихотворение примечанием, в котором дает не только эквивалентный перевод, но и буквальный, воспринимающийся как этимология слова: «Кун-кузези – цветы-огоньки (в переводе с шор. – зять солнца)» [Тудегешева 2013b: 7]. Русскоязычный вариант названия она переводит в эпитет, характеризующий эстетическое впечатление от цветка и его воздействие на душу лирической героини. Благодаря такой языковой игре мир Горной Шории, покрытой тайгой, предстает как первозданное родство всего со всем, благодаря чему и раскрывается его гармонизирующее воздействие на душу лирической героини и ее собеседника.

Мифологическими образами пронизаны все стихотворения первого раздела. При этом прием языковой игры, основанный на соединении русскоязычного и шорского обозначений явления, обнаруживается не только в структуре стихотворений «Шо-ор-ия золотая», «Цветы кандыки», «Тайна горы Мустаг», «Легенда о скале Чедыгыс», «Ханмедведь и бурундук», «Священная береза», «Кедр», но и на уровне внешней композиции. Так, название первого раздела, в котором собраны лирические стихотворения и баллады, «Родина моя», является переводом названия книги «Элимай». Выбранный прием напоминает игру в загадки, что становится основой циклообразования на композиционном уровне. Второй раздел «Стихи-загадки», написанный на шорском и русском языках, адресован детям, в то время как первый по-разному открывается в смысловых горизонтах прочтения детям (преддверие игры в загадки с просветительской функцией, направленной на сбережение и передачу культурного наследия) и взрослым (в плане разворачивания поэтического натурфилософского смысла, восходящего не только к шорской этнокультурной традиции, но и, согласно авторскому предисловию, к поэзии Ф. И. Тютчева).

Основой объединения для читателей разных возрастов становится тема любви к родному краю, декларативно обозначенная в заглавии книги и названии первого раздела. Она тоже прямо обозначена в повторяющемся подзаголовке всей книги и первого раздела «Стихи о мире природы Горной Шории». И эта любовь предстает как диалог не только культур, но и отцов и детей, так как становится основой совместного чтения книги родителями и детьми, обнаруживая неразрывную связь разных проявлений Любви.

Языковой игрой актуализация мифопоэтической образности не исчерпывается. Так, в стихотворении «Тайна горы Мустаг» появляется шорский мифологический образ Таг-ээзи Тор – Хозяйки горы, а сам лирический сюжет представляет собой развертку народных представлений о ее божественной сущности. В основе лирических сюжетов стихотворений «Легенда о скале Чедыгыс» и «Ханмедведь и бурундук» заложены шорские этиологические повествования, объясняющие, почему гора Чедыгыс (шор. Четти кыс), расположенная в окрестностях г. Мыски Кемеровской области, буквально означает «Семь девушек» и откуда у бурундука на спине полоски. В завершающих раздел стихотворениях «Священная береза» и «Кедр» отчетливо проступает архетип мирового древа, изображенный в духе традиционных для сибирских коренных народов представлений, на которые указала Л. В. Дмитриева: «Священное дерево у якутов, бурят, эвенков и алтайцев, с одной стороны, реально, связано с миром материально-бытовой традиционной культуры и конкретизируется в текстах эпосов (береза, лиственница, тополь), с другой стороны, идеализировано и возвышается до уровня космического символа» [Дмитриева 2011: 18]. Так, в основе лирического сюжета в стихотворении «Священная береза» оказывается культурный полилог представлений о символике березы: «Сколько песен о ней спето, / Перепето, недопето, / Сколько пролито всех слез / Возле солнечных берез. / Для одних она живица, / Для других красадевица, / Ну а шорский же народ / Ее матерью зовет» [Тудегешева 2013b: 23]. И далее в стихотворении подробно разворачивается обряд поклонения матери-березе, завершающийся шорскими именованиями: «Вот пришла пора сказать, / Шорские слова назвать: / Мать-березу звать “Пай-казын”, / “Чалама” – все ленты разом. / Эти шорские названья / Нужно выучить с признаньем» [Там же]. В такой композиции можно не только проследить дидактические установки передачи культурного наследия посредством архаической педагогической игры в загадки, но и обнаружить следы не менее древней поэтики заклинаний, в которой ключевую роль играет произнесение подлинного имени, чью роль в стихотворении выполняют шорские слова. Примечательно, что мифопоэтика березы и кедра в лирике Тудегешевой приобретает и более личный характер. Так, в стихотворении «Я помню миг: далекой солнечной весной…» из сборника «Небесный полет девятиглазых стрел» (2007) парная символика березы и кедра, контекстуально сопоставленная с русской народно-поэтической парой дуба и рябины, способствует развитию драматически окрашенной любовной темы.

Следует отметить, что обнаруженные в качестве циклоообразующих скреп мифопоэтически подсвеченные приемы языковой игры в целом характерны для всего творчества Т. Тудегешевой. Так, в первой поэтической книге автора «Поющие стрелы времен» (2000) последний раздел представляет собой записи шорского фольклора, включенные в сборник как своего рода мифопоэтический

контекст, из которого становится понятной образность горных дев, таежных духов-хозяев, а также оформляется магистральный мотив всей лирической системы Т. Тудегешевой – зова тайги. Но если в охотничьем рассказе зов тайги раскрывается в контексте исконного промысла, то в лирике Тудегешевой он обретает оригинальные авторские черты. Зов тайги настигает современную девушку как зов родной культуры и объясняет одну из граней самоопределения лирической героини как пробуждающейся шаманки, что латентно представлено посредством мотивов слияния с тайгой, связи с прошлым, зова из глубин веков, видений шаманских камланий и пения кайчи, а более явно проступает в стихотворениях «Шаманская ночь», «Не смотри на меня…», нарастая в более поздних поэтических сборниках, особенно в книге «Небесный полет девятиглазых стрел» (2007), один из разделов которой назван «Откровения шаманки».

Неразрывность поэтических исканий с жизнью отмечена в статье О. Цукановой, указавшей на участие Т. В. Тудегешевой как одной из обладающих особым даром в обряде очищения в 2008 г. [Цуканова 2020: 921]. Наличие поэтических обработок легендарно-эпических шорских сюжетов свидетельствует о значимости традиции песен кайчи, а на связь этих двух традиций указывает Л. Н. Арбачакова: «Сказитель-*кайчи* является центральным действующим лицом при исполнении эпоса. Сказительский дар сродни шаманскому» [Арбачакова 2026: 11]. Это родство обнаруживается в магической связи шаманов и кайчи с явным и незримым мирами, с миром родной природы: «Героические сказания у шорцев, как и у других тюркских и монгольских народов, обычно исполнялись долгими зимними вечерами и ночами. Основным их назначением было удовлетворение духовных потребностей слушателей; они также играли магическую роль, ограждая людей от *айна* (нечисти, чертей), от хозяев гор и рек *таг ээзи* / *суг ээзи* и других опасностей. Раньше с целью удачного охотничьего промысла сказителей брали с собой в тайгу, где они должны были исполнять сказания специально для *таг ээзи* (хозяйки тайги, гор)» [Там же: 10].

Таким образом, выбор поэтического пути в поэзии Т. Тудегешевой, чутко откликающейся на зов эпох и самоопределяющейся как «ветвь абинского народа», делает неизбежным центральный характер образа тайги, раскрывающегося в ее поэзии мифопоэтически в контексте установки на сохранение духовных ценностей и языка шорского народа и их звучание в полифоничной литературе современной России.

Заключение

Несмотря на разницу в поколенческом, этнокультурном, гендерном аспектах, поэтические миры Л. Гержидовича и Т. Тудегешевой во многом сближаются. Основой для этого становится не столько формальная принадлежность авторов к кемеровской писательской организации, сколько сущностное проявление обозначенного Б. В. Бурмистровым аксиологического ядра кемеровской поэтической школы. У этих, на первый взгляд, очень разных поэтов лирические системы схожи функционированием таежного текста. И здесь стоит отметить не только ключевую оппозицию их поэтических миров «каменно-бетонный» город – живая тайга, установку на просветительство, чем вызвано обращение и к детской литературе, амбивалентность образа тайги, соединение космогонического и эсхатологического векторов в ее воспевании, острое звучание экологической проблематики, анимизм, установку на слияние с миром природы у обоих авторов, но и куда более примечательный и оригинальный мотив зова тайги как основы поэтического мира.

Этот мотив существенно противопоставляет обоих авторов как поэтов, сложившихся во второй половине XX – начале XXI вв. и ориентирующихся на экологическую проблематику, от разработки таежной темы, оформившейся на протяжении XIX столетия и, как считает А. В. Васильев, задававшей семиотический инвариант в разных литературных проявлениях первой половины XX столетия, опираясь на оппозицию освоенного русского леса и дикой тайги, требующей покорения разумной волей человека [Васильев 2020; 2021]. Тем не менее необходимо отметить и различие в разработке мотива зова тайги. В поэзии Гержидовича он разворачивается преимущественно в натурфилософском ключе с элементами социокультурного аспекта, а в поэзии Тайаны Тудегешевой на первый план выходит этнокультурный вектор, сложно переплетающийся с историческим и натурфилософским аспектами. Однако это различие не противопоставляет авторов, а способствует выявлению и поэтическому воспеванию двух типов слияния человека с природой, один из которых обусловлен укорененностью поэта в этнокультурной традиции, стремлением вернуться к истокам, другой является индивидуальным выбором личности, сомневающейся в безусловном благе технического прогресса и городского образа жизни и осознанно выбирающей путь ухода в таежный мир.

Источники

Березин, Л. Песня моя – тайга. Стихи / Л. Березин. – Кемерово : Кемеровское книжное издательство, 1970. – 74 с.

Бурмистров, Б. В. Дорогой читатель, далекий и близкий! / Б. В. Бурмистров // Классика земли Кузнецкой : в 3 т. Т. 1. Золотой запас поэзии Кузбасса / руководитель проекта Б. В. Бурмистров ; составители: Б. В. Бурмистров, С. Л. Донбай, Г. И. Карпова. – Кемерово : ГАУК «Кузбасский центр искусств», 2020. – С. 3–7.

Бурмистров, Б. В. Предисловие / Б. В. Бурмистров // Классика земли Кузнецкой : в 3 т. Т. 3. Современная литература Кузбасса. Кн. 1. Поэзия / руководитель проекта Б. В. Бурмистров ; составители: Б. В. Бурмистров, С. Л. Донбай, Г. И. Карпова. – Кемерово : ГАУК «Кузбасский центр искусств», 2022. С. 3–6.

Гержидович, Л. Таволга: стихи / Л. Гержидович. – Кемерово : Кемеровское книжное издательство, 1979. – 96 с.

Гержидович, Л. Хвойный дождь: стихи / Л. Гержидлович. – Кемерово : Кемеровское книжное издательство, 1987. – 111 с.

Гержидович, Л. Кедровый говор: стихи / Л. Гержидович. – Березовский : Березовская типография, 1991. – 55 с.

Гержидович, Л. Матерь-береза: стихи / Л. Гержидович. – Кемерово : Сибирский родник, 1993. – 64 с. – ISBN 5-8434-0013-1.

Гержидович, Л. Пихтовая родина: стихи / Л. Гержидович. – Кемерово : Сибирский писатель, 1999. – 324 с.

Гержидович, Л. Отражение: фотоальбом со стихами / Л. Гержидович, Ю. Светлаков. – Кемерово : [б. и.], 2014. – 155 с.

Тудегешева, Т. Поющие стрелы времен: стихи и проза из шорского фольклора / Т. Тудегешева. – Новокузнецк : Кузнецкая крепость, 2000. – 167 с.

Тудегешева, Т. Небесный полет девятиглазых стрел: стихотворения / Тудегешева. – Кемерово : Кузбасс, 2007. – 192 с.

Тудегешева, Т. По ту сторону шорских гор: стихотворения / Т. Тудегешева. – Кемерово : Офсет, 2013a. – 181 с.

Тудегешева, Т. Элимай: стихи о мире природы Горной Шории / Т. Тудегешева. – Кемерово : Примула, 2013b. – 87 с.

Тудегешева, Т. Медногривое солнце встает: стихотворения / Т. Тудегешева. – Кемерово : Технопринт, 2017. – 184 с.

Литература

Арбачакова, Л. Н. Исполнительский ритуал шорского кайчи / Л. Н. Арбачакова // Сибирский филологический журнал. – 2026. – № 2. – С. 9–21. – DOI: 10.17223/18137083/95/1. – EDN XAISZE.

Ащеулова, И. В. Извечное величие тайги Леонида Гержидовича / И. В. Ащеулова // Классика земли Кузнецкой : в 3 т. Т. 1. Золотой запас поэзии Кузбасса / руководитель проекта Б. В. Бурмистров ; составители: Б. В. Бурмистров, С. Л. Донбай, Г. И. Карпова. – Кемерово : ГАУК «Кузбасский центр искусств», 2020. – С. 88–91.

Баянов, В. Выплата долга / В. Баянов // Гержидович Л. Хвойный дождь. – Кемерово : Кемеровское книжное изд-во, 1987. – С. 3–4.

Булгутова, И. В. Вопросы методологии и терминологии при изучении мифопоэтики бурятской литературы / И. В. Булгутова // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. – 2021. – № 1. – С. 25–32. – DOI: 10.18101/2305-459X-2021-1-25-32. – EDN ROVJZZ.

Булгутова, И. В. Диалог культур в литературном процессе Бурятии XX в. / И. В. Булгутова // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. – 2022. – № 1. – С. 40–45. – DOI: 10.18101/2686-7095-2022-1-40-45. – EDN GXPNWM.

Васильев, А. В. Понятие «тайга» в сибирском дискурсе XIX в. и его интерпретации / А. В. Васильев // Вестник Томского государственного университета. – 2020. – № 461. – С. 123–130. – DOI: 10.17223/15617793/461/14. – EDN TEMTBG.

Васильев, А. В. Понятие «тайга» в сибирском дискурсе XIX в. и его интерпретации. Статья вторая / А. В. Васильев // Вестник Томского государственного университета. – 2021. – № 473. – С. 12–18. – DOI: 10.17223/15617793/473/2. – EDN FDPFFH.

Дампилова, Л. С. Духовно-культурные коды в поэзии монгольских народов / Л. С. Дампилова ; Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. – Иркутстк : Издательство «Оттиск», 2016. – 244 с. – EDN VZCDJV.

Дмитриева, Л. В. Образ священного дерева в героическом эпосе народов Сибири / Л. В. Дмитриева // Традиционная культура. – 2011. – № 3 (43). – С. 12–18. – EDN OJGMUD.

Косточаков, Г. В. Таяна Тудегешева / Г. В. Косточаков // Язык и регионы: социокультурное пространство юга Кузбасса : монография : в двух томах. Т. 2 / Н. А. Баланчик, Н. С. Баланчик, Ю. В. Косицина [и др.]. – Новокузнецк ; Красноярск : Кемеровский государственный университет ; Sitall, 2020. – С. 265–276.

Лосев, А. Ф. Мифология греков и римлян / А. Ф. Лосев. – Москва : Мысль, 1996. – 975 с.

Лотман, Ю. М. О поэтах и поэзии / Ю. М. Лотман. – Санкт-Петербург : Искусство-СПБ, 1996. – 848 с.

Майнагашева, Н. С. Функциональность фольклорно-мифологических мотивов и образов в творчестве Л. Арбачаковой и Г. Косточакова / Н. С. Майнагашева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 3-1 (81). – С. 30–38. – EDN YQMHDY.

Махалов, В. Он идет на зов тайги / В. Махалов // Березин Л. Песня моя – тайга. Стихи. – Кемерово : Кемеровское книжное издательство, 1970. – С. 3–4.

Первакова, Е. Н. «Элита тайги, из цветочного клана!..» Этнорегиональный текст как средство обучения на современном уроке русского языка / Е. Н. Первакова // Воспитание школьников. – 2024. – № 4. – С. 64–70. – DOI: 10.47639/0130-0776_2024_3_64. – EDN VJNDRT.

Переяслов, Н. О стихах Тайаны Тудегешевой / Н. Переяслов // Классика земли Кузнецкой : в 3 т. Т. 3. Современная литература Кузбасса. Кн. 1. Поэзия / руководитель проекта Б. В. Бурмистров ; составители: Б. В. Бурмистров, С. Л. Донбай, Г. И. Карпова. – Кемерово : ГАУК «Кузбасский центр искусств», 2022. – С. 356–359.

Подковырин, Ю. В. «Азбука» кузбасской литературы / Ю. В. Подковырин // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2008. – № 5. – С. 111–116. – EDN MUXWON.

Пушкарева, И. А. Образ коня в лирике Таяны Тудегешевой: семантико-стилистический анализ (на материале сборника «Небесный полет девятиглазых стрел») / И. А. Пушкарева, Ю. Е. Пушкарева // СибСкрипт. – 2025. – Т. 27, № 4 (110). – С. 748–759. – DOI: 10.21603/sibscript-2025-27-4-748-759. – EDN DXDNWT.

Пушкарева, И. А. Образ снега в лирике Таяны Тудегешевой: семантико-стилистический анализ / И. А. Пушкарева, Ю. Е. Пушкарева // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2026. – № 4 (246). – С. 45–55. – DOI: 10.23951/1609-624X-2026-4-45-55. – EDN HIKUMP.

Сазыкин, А. С. Глоток свежего воздуха. О сборнике Т. В. Тудегешевой «Небесный полет девятиглазых стрел» / А. С. Сазыкин // Сазыкин А. С. «...А здесь во глубине России»: статьи о региональной литературе / науч. ред. И. А. Пушкарева ; отв. ред. В. А. Галактионов. – Новокузнецк : НФИ КемГУ ; Красноярск : Sitall, 2021a. – С. 83–96.

Сазыкин, А. С. Методические рекомендации к уроку по изучению поэтического мастерства Т. В. Тудегешевой / А. С. Сазыкин // Сазыкин А. С. «…А здесь во глубине России»: статьи о региональной литературе / науч. ред. И. А. Пушкарева ; отв. ред. В. А. Галактионов. – Новокузнецк : НФИ КемГУ ; Красноярск : Sitall, 2021b. – С. 97–104.

Топоров, В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. Избранное / В. Н. Топоров. – Москва : Издательская группа «Прогресс» – «Культура», 1995. – 624 с. – EDN UCFKRP.

Цуканова, О. А. Культурно-историческая динамика шорских традиционных верований и культов / О. А. Цуканова // Миссия конфессий. – 2020. – Т. 9, № 8 (49). – С. 919–924. – EDN FPDGZN.

Чайковская, Е. Н. «К ней приходят поклониться…» Береза как воспитывающий образ в обрядовой поэзии и шорской литературе XX века / Е. Н. Чайковская // Воспитание школьников. – 2024. – № 4. – С. 40–46. – DOI: 10.47639/0130-0776_2024_4_40. – EDN QMIPVD.

References

Arbachakova, L. N. (2026). Ispolnitel'skiy ritual shorskogo kaychi = The performance ritual of the Shor kaich. *Siberian Journal of Philology*, *2*, 9–21. DOI: 10.17223/18137083/95/1. EDN XAISZE.

Ashcheulova, I. V. (2020). Izvechnoe velichie taygi Leonida Gerzhidovicha / I. V. Ashcheulova = The eternal grandeur of the taiga by Leonid Gerzhidovich. *Classics of the Kuznetsk land (vol. 1. The golden reserve of poetry of Kuzbass)*, 88–91. Kemerovo: GAUK Kuzbass Art Center.

Bayanov, V. (1987). Vyplata dolga = Debt repayment. *Coniferous rain*, 3–4. Kemerovo: Kemerovo Book Publishing House.

Bulgutova, I. V. (2021). Voprosy metodologii i terminologii pri izuchenii mifopoetiki buryatskoy literatury = Methodological and terminological problems of studying the mythopoetics of Buryat literature. *Bulletin of Buryat State University. Language. Literature. Culture*, *1*, 25–32. DOI: 10.18101/2305-459X-2021-1-25-32. EDN ROVJZZ.

Bulgutova, I. V. (2022). Dialog kul'tur v literaturnom protsesse Buryatii XX v. = Dialogue of cultures in the literary process of Buryatia in the 20th century. *Bulletin of the Buryat State University. Philology*, *1*, 40–45. DOI: 10.18101/2686-7095-2022-1-40-45. EDN GXPNWM.

Chaikovskaya, E. N. (2024). «K ney prikhodyat poklonit'sya…» Bereza kak vospityvayushchiy obraz v obryadovoy poezii i shorskoy literature XX veka = "People come to worship her…" The birch as an educative image in ritual poetry and Shor literature of the 20th century. *Educating of Schoolchildren*, *4*, 40–46. DOI: 10.47639/0130-0776_2024_4_40. EDN QMIPVD.

Dampilova, L. S. (2016). Dukhovno-kul'turnye kody v poezii mongol'skikh narodov = Spiritual and cultural codes in the poetry of the Mongolic peoples. Irkutsk: Ottisk Publishing House, 244 p. EDN VZCDJV.

Dmitrieva, L. V. (2011). Obraz svyashchennogo dereva v geroicheskom epose narodov Sibiri = The image of the sacred tree in the heroic epic of the peoples of Siberia. *Traditional Culture*, *3*(43), 12–18. EDN OJGMUD.

Kostochakov, G. V. (2020). Tayana Tudegesheva = Tayana Tudegesheva. *Language and regions: The sociocultural space of southern Kuzbass (vol. 2)*, 265–276. Novokuznetsk; Krasnoyarsk: Kemerovo State University; Sitall.

Losev, A. F. (1996). Mifologiya grekov i rimlyan = Mythology of the Greeks and Romans. Moscow: Mysl Publishing House, 975 p.

Lotman, Yu. M. (1996). O poetakh i poezii = On poets and poetry. Saint Petersburg: Iskusstvo-SPB Publishing House, 848 p.

Mainagasheva, N. S. (2018). Funktsional'nost' fol'klorno-mifologicheskikh motivov i obrazov v tvorchestve L. Arbachakovoy i G. Kostochakova = Functionality of folklore-mythological motives and images in the creativity of L. Arbachakova and G. Kostochakov. *Philology. Theory & Practice*, *3-1*(81), 30–38. EDN YQMHDY.

Makhalov, V. (1970). On idet na zov taygi = He goes to the call of the taiga. *My song is taiga. Poems*, 3–4. Kemerovo: Kemerovo Book Publishing House.

Pereyaslov, N. (2022). O stikhakh Tayany Tudegeshevoy = About the poems of Tayana Tudegesheva. *Classics of the Kuznetsk land (vol. 3. Modern literature of Kuzbass, book 2. Poetry)*, 356–359. Kemerovo: GAUK Kuzbass Art Center.

Pervakova, E. N. (2024). «Elita taygi, iz tsvetochnogo klana!..» Etnoregional'nyy tekst kak sredstvo obucheniya na sovremennom uroke russkogo yazyka = "The elite of the taiga, from the flower clan!.." Ethno-regional text as a teaching tool in a modern Russian language lesson. *Educating of Schoolchildren*, *4*, 64–70. DOI: 10.47639/0130-0776_2024_3_64. EDN VJNDRT.

Podkovyrin, Yu. V. (2008). «Azbuka» kuzbasskoy literatury = "The ABCs" of Kuzbass Literature. *Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts*, *5*. 111–116. EDN MUXWON.

Pushkareva, I. A., Pushkareva, Yu. E. (2025). Obraz konya v lirike Tayany Tudegeshevoy: semantiko-stilisticheskiy analiz (na materiale sbornika «Nebesnyy polet devyatiglazykh strel») = Equine image in Tayana Tudegesheva's collection of verses Sky Flight of Nine-Eyed Arrows: Semantic and stylistic analysis. *SibScript*, *27*, *4*(110), 748–759. DOI: 10.21603/sibscript-2025-27-4-748-759. EDN DXDNWT.

Pushkareva, I. A., Pushkareva, Yu. E. (2026). Obraz snega v lirike Tayany Tudegeshevoy: semantiko-stilisticheskiy analiz = Image of snow in the poetry by Tayana Tudegesheva: Semantic and stylistic analysis. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, *4*(246), 45–55. DOI: 10.23951/1609-624X-2026-4-45-55. EDN HIKUMP.

Sazykin, A. S. (2021). Glotok svezhego vozdukha. O sbornike T. V. Tudegeshevoy «Nebesnyy polet devyatiglazykh strel» = A breath of fresh air. About T. V. Tudegesheva's collection "Sky Flight of Nine-Eyed Arrows". *"…And Here in the Depths of Russia": Articles on regional literature*, 83–96. Novokuznetsk: NFI KemSU; Krasnoyarsk: Sitall.

Sazykin, A. S. (2021). Metodicheskie rekomendatsii k uroku po izucheniyu poeticheskogo masterstva T. V. Tudegeshevoy = Methodological recommendations for a lesson on studying the poetic craft of T. V. Tudegesheva. *"…And Here in the Depths of Russia": Articles on regional literature*, 97–104. Novokuznetsk: NFI KemSU; Krasnoyarsk: Sitall.

Toporov, V. N. (1995). Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo. Izbrannoe = Myth. Ritual. Symbol. Image: Studies in the field of mythopoetic: Selected. Moscow: The Publishing Group "Progress" – "Culture", 624 p. EDN UCFKRP.

Tsukanova, O. A. (2020). Kul'turno-istoricheskaya dinamika shorskikh traditsionnykh verovaniy i kul'tov = Cultural and historical dynamics of Shor traditional beliefs and cults. *Mission Confessions*, *9*, *8*(49), 919–924. EDN FPDGZN.

Vasiliev, A. V. (2020). Ponyatie «tayga» v sibirskom diskurse XIX v. i ego interpretatsii = The concept "Taiga" in the Siberian discourse of the 19th century and its interpretations. *Tomsk State University Journal*, *461*, 123–130. DOI: 10.17223/15617793/461/14. EDN TEMTBG.

Vasiliev, A. V. (2021). Ponyatie «tayga» v sibirskom diskurse XIX v. i ego interpretatsii. Stat'ya vtoraya = The concept "Taiga" in the Siberian discourse of the 19th century and its interpretations (article two). *Tomsk State University Journal*, *473*, 12–18. DOI: 10.17223/15617793/473/2. EDN FDPFFH.

Данные об авторе

Налегач Наталья Валерьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики, русской литературы и медиакоммуникаций, Кемеровский государственный университет, Российская Федерация, г. Кемерово, nalegach@list.ru

Author's information

Nalegach Natalia Valerievna – Doctor of Philology, Professor of Department of Journalism, Russian Literature and Media Communications, Kemerovo State University, Russian Federation, Kemerovo

Дата поступления: 23.08.2026; дата публикации: 31.10.2026

Date of receipt: 23.08.2026; date of publication: 31.10.2026